

Office of State Protection of Cultural Heritage Objects,
Administration of the Krasnodar Region,
Krasnodar, Russia
2307080@mail.ru

Objects of Cultural Heritage — the Estates Located in the Territory of Krasnodar Region: History of Acceptance on State Protection, a Modern Condition and Problems of Preservation

The article is devoted to the issues of the current state of the estates located in the Krasnodar region, which have the status of historical and cultural monuments, the history of their adoption for state protection, the activities carried out by public authorities for the purpose of their state protection, as well as measures for their preservation and adaptation for modern use. Estates that are objects of archaeological heritage, a significant number of which is also available in the Krasnodar territory, are not considered in this article.

Keywords: *estate, objects of cultural heritage, monuments of history and culture, the register, Krasnodar region.*

Б. Б.-А. Абдулвахабова*

Культурно–пространственная среда усадыбы терско-гребенского казачества: материальные и нематериальные характеристики

Среди казачества России сегодня выделяются несколько отдельных этнорегиональных групп. Наиболее интересным, значимым, на наш взгляд, является культурное наследие казаков, волей судьбы оказавшихся на исторической территории Чечни. Формирование терско-гребенского казачества происходило в постоянном взаимодействии с местным населением. В процессе этого взаимодействия складывалась уникальная культура двух народов, в которой переплелись местные и славянские традиции. В данной статье рассматривается казачья усадьба, как локальный культурный ландшафт, которая связана не только с географическими условиями данного

* АБДУЛВАХАБОВА Бирлант Борз-Алиевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории народов Чечни Чеченского государственного университета, Грозный, Россия. Электронная почта: birlant@list.ru

региона, но и особенностями хозяйственного освоения территории, этнокультурными традициями, характером и направлением миграций, общественными, семейными, конфессиональными и другими формами повседневности казачества. События конца XX в. на территории Чеченской Республики обострили межнациональные отношения, привели к резким изменениям в расселении этнических групп, к оттоку русскоязычного населения из казачьих станиц Чечни и возникновению противоречий на этой основе. Чтобы впредь избежать подобные негативные процессы в республике, помочь возродить былые казачьи общины, необходимо изучать и учитывать многовековые этнокультурные взаимоотношения между коренным населением края и казачеством и использовать прогрессивный опыт этих взаимоотношений.

Ключевые слова: Терско-гребенское казачество, станица, казачья усадьба, материальная и духовная культура, повседневность, этнокультурные традиции.

Формирование терско-гребенского казачества на территории Чечни происходило в постоянном взаимодействии с местным населением. В процессе этого взаимодействия складывалась уникальная культура двух народов, в которой переплелись местные и славянские традиции, о чем свидетельствуют материальные и нематериальные характеристики казачьей усадьбы, которые были связаны не только с географическими условиями данного региона, но и особенностями хозяйственного освоения территории, этнокультурными традициями, характером и направлением миграций, общественными, семейными, конфессиональными и другими формами повседневности казачества.

Об актуальности данной темы в отечественной историографии свидетельствует неослабевающий интерес исследователей к истории казачества вообще, терско-гребенского, в частности. В особенности к ее материальной и духовной составляющей. Культурно–пространственная среда усадьбы терско-гребенского казачества частично затрагивается в исследованиях Н. П. Гриценко, Л. Б. Заседателевой, Н. Н. Великой и ряда других (см.: [3] [5] [6]).

Н. П. Гриценко отмечал, что «...поселившись у Терского хребта, казаки по имени своих атаманов Курдюкова, Гладкова и Щадрина, построили укрепленные городки: Червленый (Ураз-кала, 1567), Щадринск (1569), позже Курдюковский, Гладковский и Новогладковский (позже — Гребенская станица) [4, с. 128]. В начале XVIII в. — это уже казачьи станицы.

Л. Н. Толстой писал: «Очень, очень давно предки их, старoverы, бежали из России и поселились за Терекom, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни

и нравы горцев, но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру» [12, с. 144].

Особенности возникновения и развития казачьей усадьбы тесно связано с освоением новых земель, с процессом колонизации Северного Кавказа.

Планировка гребенских казачьих станиц до окончания военных действий на Кавказе, была обусловлена их военной жизнью. Но уже в середине XIX в. внешний облик казачьих станиц на Терекке начинает меняться.

Станицы терско-гребенского казачества в XIX в. имели четкую планировку: широкие улицы с пересекающимися под прямым углом переулками. В центре станицы центральная площадь с молитвенным домом и колокольней, торговые лавки, хлебными магазинами (с запасами станичного зерна). За станицей — сенокосы, выгон для скота, пахотные земли. К примеру, станица Червленая в начале XIX в. имела правильную планировку, и каждый усадебный участок равнялся 426 кв.м. [9, с. 109]. Но, в связи с расслоением казачества в середине XIX в. размеры усадеб стали меняться: чем богаче и влиятельнее был казак, тем больше у него был приусадебный участок. К примеру, в станице Старогладовской, усадьба богатого казака Сехина со всеми хозяйственными постройками, занимал целый квартал [9, с. 109].

Усадьба терско-гребенского казака — «двор», как его называли сами казаки, представлял собой открытое пространство (огороженное изгородью) с жилыми и хозяйственными строениями. Размеры усадьбы (двора) постоянно менялись. Это было связано с увеличением или же уменьшением общего плана (пая), т.е. земли. При освоении дальнейшем края станичные правления выдавали сначала неограниченные планы (было много незанятых земель), а когда стал увеличиваться поток переселенцев, планы стали уменьшаться. По размерам двора можно было судить и о зажиточности казака. Двор закрывался изгородью, иногда встречались и деревянные заборы. Дома стояли за забором, внутри двора. Ориентация дома совпадал с традицией, который бытовал на Северном Кавказе у местных народов. Лицевой фасад выходил на южную сторону.

Жилые дома (срубы, турлучный, саманные дома) казаки строили с использованием местных строительных материалов: леса, глины, перемешанной с соломой, и камыша.

Для гребенских казаков характерен был рубленый дом, в котором больше всего сохранялись славянские традиции строительства. «Сами станицы коренных гребенцов резко отличаются от других казачьих станиц... избы бревенчатые, срубные, часто дубовые и с острою высокою крышей, а кровля «коньком», окна «косчатые» и украшенные резьбой», отмечали современники [8, с. 232].

Планировка деревянных домов имела два варианта: первый — одна комната и сени, второй — когда сени располагались между горницей и избой. Богатые казаки имели дома второго варианта. Почти у всех казаков, за исключением самых бедных, обязательной постройкой на дворе был второй саманный или турлучный дом, отапливаемый русской печью.

Крыши жилищ казаков покрывались камышом, соломой, у зажиточных — из черепицы, редко встречалась и железное покрытие. У хозяйственных построек они смазывались полностью или частично глиной. Видимо из-за сильных ветров, кровле дома придавали четырехскатную форму, которая была более обтекаемой и устойчивой.

Срубные дома возводились на деревянном или каменном фундаменте. Дом опоясывался террасой с одной или двух сторон. Для хранения мелкого инвентаря и старых вещей в домах делали подполья. Л. Б. Заседателева отмечает, что «...планировка домов была различной, однако доминировали продолговатые в плане постройки, состоящие из одного или двух жилых помещений, разделенных сенями. Кроме того, встречались «круглые» донские дома, состоявшие из нескольких комнат» [7, с. 20]. «Круглые» дома, «курени» на Тереке, как отмечают исследователи, это влияние строительных традиций донских казаков.

В интерьере казачьей избы сказывалось влияние культуры местного населения. «Первая комната напоминает скорее чеченскую, нежели жилище русского казака: на стенах развешены кинжалы, шашки и разное другое оружие кавказского горца; на полу стоят пестрые сундуки, а на них разложены перины, ковры и коврики азиатского образца и изделия» [5, с. 149].

Вторая комната гребенца — дань традиционным русским обычаям. В этой комнате была большая русская печь, выскобленные дубовые лавки и стол, дощатые полы и потолки, словом, вся обстановка комнаты вплоть до большой резной солонки на столе — все из России» [8, с. 234].

«Сакля, стоявшая рядом с русской избой,— полное олицетворение кавказского горца. В сакле, где казак жил зимой и летом вместе со своей семьей, «большинство членов ее здесь и сидят-то по-чеченски, поджавши под себя ноги; образов никаких не видно, и из мебели в ходу чеченская треногая скамеечка, нежели стул и русская скамья» — отмечал другой автор [8, с. 234].

Усадьба терско-гребенских казаков была представлена, как отмечалось выше, помимо жилых, целым комплексом хозяйственных построек: «избушка» или «хатка», построенная из турлука, выполнявшая роль кухни, турлучная или саманная клеть для хранения бочек с «чихирем» — виноградное вино и всевозможными соленьями, заготовленными на зиму, амбары, которые использовались для хранения зерна (в зажиточных усадьбах их было несколько), хлев, погреб, курник, бани и т.д.

Важное место в казачьей усадьбе занимал открытый сарай — «лапас», имевший глухую заднюю стену и односкатную камышовую крышу, опирающуюся на столбы. Его строили обычно на задней линии двора. Летом в нем содержался крупный рогатый скот. Помимо открытого сарая, в усадьбе казака имелся и еще один — закрытый, турлучный, в котором хранились сельскохозяйственные орудия — плуг, арба и т.д. В комплекс усадебных построек входил также «саж» — помещение для содержания свиней и помещение для кур — «курник», сплетенный из ивовых или таловых прутьев. Обязательной принадлежностью казачьего двора была летняя печь.

Казачья усадьба тесно была связана с важнейшими сторонами их жизнедеятельности: рождением, сватовством, свадьбой, смертью, поминками и т.д.

В связи с этим, помимо причисленных материальных характеристик казачьей усадьбы, немаловажное значение для ее анализа имеет и нематериальные характеристики: обычаи, традиции, знания, навыки строительства и многое другое, передаваемое из поколения в поколение, формируя чувство самобытности и преемственности культурного ландшафта терско-гребенского казачества.

Для строительства жилища, казаки использовали граб, клен, осину, сосну, но чаще всего дуб. Естественно, при выборе строительного материала, практические соображения играли главную роль, однако, как у местного населения, так и казаков, дуб пользовался особым почитанием. И в современный период старожилы станиц украшали

на троицу ветками дубов калитки и входные двери. Исследователи отмечают, что при строительстве турлучного дома станичники отдавали со своих дворов строящимся по несколько срубленных стволов акации [6, с. 375]. Надо отметить, у некоторых народов, в частности восточных славян, на деревья, растущих на территории усадьбы, был наложен строжайший запрет [2, с. 52]. Очевидно, снятие у казаков этого запрета было связано с нехваткой строевого леса.

Большое значение имело и выбор места для возведения жилья. При закладке дома у терско-гребенских казаков существовали свои особые приметы и обычаи: на предназначенное для постройки место на ночь сыпали зерно, если на утро зерно было на месте, считалось, что место для постройки хорошее и все «пойдет в руку». Счастливым для постройки жилища считалось и то место, где на отдых располагался крупный рогатый скот. Скот, как для казаков, так и для чеченцев, являлся символом плодородия, производительных сил, его образ олицетворялся с домом, хозяйством. Чтобы в доме не было сырости, под матку, основную несущую перекладину в хате, подкладывали шерсть черного барашка. При закладке жилья казаки старались обязательно отслужить молебен. Приглашали священника, который читал молитву и окроплял место святой водой.

При строительстве жилищ существовал обычай взаимопомощи: «белхи» — у чеченцев; у казаков — «помочи». Казачьи помочи — когда родственники, соседи заготовливали лес, кто имел подводы — перевозил его, другие замешивали глину, обмазывали ею каркас дома. На помочи собиралось много молодежи, работа сопровождалась песнями, шутками, весельем. А хозяин угощал станичников, принимавших участие в строительстве дома [6, с. 275–276]. Как совместный труд и трапеза, эти традиции, очевидно, призваны были укрепить родственные, соседские взаимоотношения, праздничный настрой. Известный специалист по истории и культуре терско-гребенского казачества Великая Н. Н. отмечает, что в этнографии широко известна роль шума, смеха как жизненных начал, отпугивающих злые силы, сопровождающих и даже вызывающих жизнь. И поэтому в данном случае в традициях «белхи» и «помочи», можно выделить социальную и религиозно-магическую стороны [2, с. 64].

Важное значение придавалось сооружению первого венца, подъему магицы — бревна, которое служило основой для потолка. Под него клали деньги, кусок шерсти из тулупа, чтобы «дом был богатым

и теплым». Поднимали матицу почетные гости, которые повязывали руку платком или поперек плеча полотенцем. После чего обязательно следовало угощение [6, с. 395].

Крыша казачьего дома обычно завершалась коньком, окна украшались резьбой. В прошлом эти солярные знаки, символы играли роль оберегов, защитников от нечистой силы у многих народов, в том числе и у чеченцев. Считалось, что нечистая сила могла проникнуть внутрь дома только через входные двери и окна, а «солнечная» символика должна была воспрепятствовать этому. Казаки также «от порчи» ставили кресты на дверях. При входе в дом обязательно молились, совершая крестное знамение [2, с. 68].

Переход в новое жилище также сопровождался многочисленными обрядами. Казаки перед новосельем в доме на ночь оставляли кошку или петуха (иногда кошку и петуха вместе). Такая традиция связана со славянским поверьем: кто первым войдет в новый дом, тот в течение года умрет. Таким образом, необжитый дом представлялся еще «нечистым», таящим в себе разные опасности. По мнению некоторых исследователей, указанные живые существа в данном случае выступали ритуальными двойниками человека [1, с. 104–105].

Однако надо отметить и то, что такой выбор животных не был случайным. Кошки, по славянским воззрениям, связаны с нечистой силой, а петух, наоборот, считался вестником света, прогоняющим своим криком всякую нечисть [13, с. 54–55].

В новый дом старались войти до восхода солнца. Заранее вносили квашню с тестом, чтобы «богато жить». Затем входил священник с иконами, хозяин с лаптем («домовой»), хозяйка с хлебом — солью. Священник освящал дом святой водой, совершал молебен, кроме того, по углам дома ставили четыре стакана пшеницы, внутрь которых помещали и зажигали свечи. Первый, кто входил, бросал в угол серебряную монету. Предметы, которые сразу вносили в дом (тесто, пшеничное зерно, хлеб), издавна символизировали богатство, изобилие. Затем в красный «святой» угол закапывали букетик цветов, чтоб «хата цвела» [10, с. 115].

Новоселье у казаков сопровождалось обильной трапезой, призванной упрочить взаимоотношения семьи с родственниками и соседями. Обязательны были и дары. Так, отец выделял сыну скот (корову, овец), птицу, в зависимости от состояния.

Отношение к родительскому дому раньше у казаков было чрезвычайно уважительным. Сноху сначала приводили в родительский дом, а затем глава семьи решал вопрос об отделении молодых и строительстве нового дома.

Следует отметить, что не только дом в целом, но и отдельные ее части и элементы внутреннего пространства несли собой определенные семантические функции. У терско-гребенского казачества печь, где разводился огонь, играл большую роль в магических и религиозных обрядах. К примеру, угольки из печи использовали «от сглаза». А подпечник считался метом пребывания «домового».

Многочисленные обряды связаны у казаков с углами жилища. С одной стороны, они являлись основой жилого пространства, а с другой стороны — они могли служить прибежищем темных сил, и поэтому требовали повышенного внимания.

Священным считался также красный угол хаты (справа от входа), где помещались образа, лампада. Под ними устанавливали стол, покрытый белой скатертью, на которой хранили книги религиозного содержания. Таким образом, эта часть дома по своей семантике приравнивалась к алтарной части храма и как бы повторяла его.

В красный угол ставили невесту, перед тем, как вести ее к жениху. Головой под образа помещали и покойника.

По мнению некоторых исследователей, христианские образа в красном углу заменили прежнюю языческую божницу, в которой некогда важное место занимал идол домового [10, с. 498]. По поверьям казаков, домовый имелся в каждом доме и являлся его покровителем. При переселении обязательно перевозили и домового. На Тереке сложились особые обряды перевозки домового. Ему предлагали сесть в запряженную парой волов телегу, затем ее вывозили со двора и предлагали домовому дальше идти пешком, так как волы выбились из сил. Переход домового в новое жилище приурочивали в ночь под день Ивана Постного (29 августа). Придя в свой старый дом, хозяин одевался в одежду наизнанку, шел в хлев, трижды читал молитву «Богородице, Дево, радуйся», вынимал из старых ясель кол и говорил: «Мой домовый, пойдем со мной домой». Затем приносил и втыкал кол в новые ясли, переодевался и зажигал в доме новую свечу [11, с. 62].

Казаки верили, что домовый может предвещать счастливые и несчастливые события.

Таким образом, анализ культурно-пространственной среды жилища, усадьбы в целом, терско-гребенского казачества, материальные и нематериальные их характеристики, свидетельствуют, что влияние местных традиций в материальных характеристиках больше (внешний вид жилья, строительный материал, техника строительства и т.д. Однако, «идеология жилища», нематериальные характеристики остались в основном восточнославянскими. Заимствования в материальной сфере не вызвали соответствующих изменений в элементах духовной культуры — основном показателе национального своеобразия народа.

Надо отметить, что в процессе этого взаимодействия складывалась уникальная культура. Казачья усадьба, как локальный культурный ландшафт, связана не только с географическими условиями данного региона, но и особенностями хозяйственного освоения территории, этнокультурными традициями, характером и направлением миграций, общественными, семейными, конфессиональными и другими формами повседневности казачества.

К сожалению, события конца XX в. на территории Чеченской Республики обострили межнациональные отношения, привели к резким изменениям в расселении этнических групп, к оттоку русскоязычного населения из казачьих станиц, в том числе и терско-гребенских. Эти события, усугубляемые процессами модернизации и глобализации в современный период, многие формы материальной и нематериальной культуры терско-гребенских казаков оказались обреченными на забвение и утраты, исчезновения. Постепенно в обществе исчезает необходимая для существования этих культурных характеристик установка на сохранение. Поэтому необходимо не только изучать их, но и наметить пути их сохранения в естественной среде бытования.

И что еще очень важно, учитывать многовековые этнокультурные взаимоотношения между коренным населением края и казачеством и использовать прогрессивный опыт этих взаимоотношений в выстраивании межнациональной политики на Северном Кавказе на современном этапе.

Использованная литература:

1. Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
2. Великая Н. Н., Даутова Р. А., Хасиев С.-М. А. Представления и обряды вайнахов и казаков, связанные с жилищем (конец XIX — начало XX в.)

// Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный: Б. и., 1992. С. 61–76.

3. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д: Б. и., 2001.

4. Гриценко Н. П. География расположения казачьих станиц по рекам Тереку и Сунже в XVI — середине XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1984. С. 128.

5. Гриценко Н. П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1969. С. 146–160.

6. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974.

7. Заседателева Л. Б., Мунчаева Т. Г. Развитие типов поселений и жилищ русского и украинского населения притеречных районов Северного Кавказа (с середины XVI по начало XX в.) // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1984. С. 7–23.

8. Маркграф О., Линтарев Н. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1881.

9. Радченко И. К. Поселения и жилища гребенских казаков // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1984. С. 106–113.

10. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.

11. Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев жителей станицы Червленной // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1893. Отд. 1. С. 57–67.

12. Толстой Л. Н. Казаки. Нальчик: Эльбрус, 1978.

13. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Birlant B.-A. ABDULVAHABOVA

Cand. Sci. (Archeology), Assoc. Prof.,
Head, Department of the History of the Peoples
of Chechnya, Chechen State University,
Grozny, Russia
birlant@list.ru

Cultural and Spatial Environment of the Estate Terek–Grebensk Cossacks: Tangible and Intangible Characteristics

Among the Cossacks of Russia today are several separate ethnic groups. The most interesting and significant, in our opinion, is the cultural heritage of the Cossacks, who found themselves on the historical territory of Chechnya. The formation of the Terek-Grebensky Cossacks took place in constant interaction with the local population. In the process of this interaction, a unique culture of the two peoples was formed, in which local and Slavic traditions were intertwined. This article considers the Cossack estate as a local cultural landscape, which is associated not only with the geographical conditions of the region, but also features of economic development of the territory, ethno-cultural traditions, the nature and direction of migration, social, family, religious and other forms of everyday life of the Cossacks. The events of the end of the 20-th century in the Chechen Republic aggravated interethnic relations, led to sharp changes in the settlement of ethnic groups, to the outflow of the Russian-speaking population from the Cossack villages of Chechnya and the emergence of contradictions on this basis. In order to avoid such negative processes in the Republic, to help revive the former Cossack communities, it is necessary to study and take into account the centuries-old ethno-cultural relations between the indigenous population of the region and the Cossacks and use the progressive experience of these relations.

Keywords: *Tersk-Grebenskoe Cossacks, village, Cossack manor, material and spiritual culture, everyday life, ethno-cultural traditions.*

Н. Г. Соловьева*

О традиционной усадьбе кубанских казаков Баталпашинского отдела в конце XIX — начале XX века

В статье рассматривается традиционное устройство усадьбы кубанских казаков конца XIX — начала XX вв. в контексте региональной истории — истории Баталпашинского отдела. В традиционную усадьбу казачества входили как постройки жилого

* СОЛОВЬЕВА Наталья Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая славянским отделом Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, Черкесск, Россия. Электронная почта: soloviova_n31@mail.ru.